

## ПЕРИОДИЗАЦИЯ КУБАНО-ТЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ (КОНЕЦ III – НАЧАЛО II ТЫС. ДО Н.Э.)

Н. А. Николаева

*Московский государственный областной университет*

Поступила в редакцию 11 июня 2011 г.

**Аннотация:** *излагаются результаты периодизации кубано-терской культуры, дана краткая характеристика шести этапов ее развития. Показаны пути установления ее индоевропейской атрибуции, в том числе на основании индоевропейских заимствований в картвельских и осетинском языках, что позволяет говорить о присутствии древнеевропейцев в Центральной части Северного Кавказа с конца III тыс. до н.э.*

**Ключевые слова:** *Северный Кавказ, бронзовый век, кубано-терская культура, Древняя Европа, индоевропейцы, индоевропейизмы в картвельских и осетинском языках.*

**Abstract:** *the article deals with the periodization of the Kuban-Terek Culture which was worked out by the author and which includes 6 stages. The creators of the Kuban-Terek Culture came from Central Europe and are supposed to be Indo-Europeans. In author's view this hypothesis is supported with the Indo-European loanwords in Cartvelian and Ossetic languages. This fact can prove the presence of Indo-Europeans in the central part of the Northern Caucasus from the 3 mill. BC.*

**Key words:** *Northern Caucasus, Bronze Age, Kuban-Terek Culture, Ancient Europe, Indo-Europeans, Indo-European loanwords in Cartvelian and Ossetic languages.*

Археология, по определению, относится к историческим наукам. Успешность реконструкции по данным археологии древней, не освещенной письменными источниками истории, зависит, помимо всего прочего, от надежности выделения археологических культур, поскольку археологическая культура продолжает оставаться основной дефиницией в археологии, соответствующей в той или иной мере этносу, вершителю истории, и все изменения археологической культуры (внутренняя эволюция и ареальные контакты в синхронии и диахронии) являются отражением событий истории. Информация о языке носителей археологической культуры расширяет представления об этническом составе и исторических судьбах населения, поскольку дополняет культурные трансформации фактами из истории эволюции языковой общности. Поле сравнительно-исторического анализа мировоззрения создателей изучаемой археологической культуры расширяется привлечением данных мифологии.

Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н.э. были реконструированы на основе выделенной кубано-терской культуры, культуры памятников постмайкопского и докатакомбного времени на территории Кубано-Терского междуречья [1; 2]. Лингвистическая атрибуция кубано-терской культуры (далее – КТК) определяется как индоевропейская/древнеевропейская, исходя из гипотезы о ее

происхождении от центральноевропейских нео/энеолитических культур [2; 3]. Результаты исследования имеют прямое отношение к проблеме формирования осетинского народа, т.е. к древней и современной истории.

Более 50 лет тому назад постмайкопские и докубанские древности Северного Кавказа II тыс. до н.э., происходящие в основном из случайных находок и единичных, раскопанных специалистами комплексов, были объединены под названием «северокавказская культура» (далее – СКК) [4; 5]. Термин прижился среди археологов, хотя памятники СКК относились, по меньшей мере, к трем или четырем разным культурам.

Раскопками автора 1976–1982 гг. в Западном Прикубанье и Северной Осетии было доказано, что только в Центральной части Северного Кавказа или, точнее, в Кубано-Терском междуречье памятники III/II–II тыс. до н.э. в разной степени обнаруживают признаки единой культурной общности, отличающейся как от памятников Северо-Западного, так и Северо-Восточного Кавказа [6; 7]. Для этих памятников было предложено название «кубано-терская культура» [2]. Происхождение обряда погребения и сводного керамического комплекса КТК связывалось с группой генетически родственных культур Центральной Европы: культурой воронковидных кубков (КВК), культурой шаровидных амфор (КША), культурой шнуровых керамик (КШК). Критерием принадлежности археологических комплексов к КТК стала, в первую

очередь, керамика, имеющая аналогии в инвентаре этих культур [2; 8]. Таким образом, впервые к памятникам Центрального Северного Кавказа был применен способ выделения культуры по принципу происхождения. Этот подход имеет под собой основания, но не охватывает памятники КТК, где керамика названных культур КША, КШК отсутствует. Большая вариативность комплексов КТК потребовала разработки некоторых определений: критерия единства в рамках культуры или культурно-исторической общности, что было сформулировано нами как «ядро культуры» [1, с. 23]. Поскольку кубано-терская культура проявляет себя системой, эволюционирующей во времени и демонстрирующей на каждом этапе появление значительных инноваций в погребальном обряде и в инвентаре, вновь встал вопрос о критериях однокультурности. В связи с этим требовалось закрепление характеристики культуры на каждом этапе в соответствующем термине. Таким стал термин «портрет культуры» [там же].

Процедура выделения кубано-терской культуры была показана на примере региона Северная Осетия: сформулированы условия выбора базового региона, базового могильника (Дзуарикау); избрана методика последовательного расширения стратиграфических горизонтов от базового могильника на весь базовый регион [1, с. 36–82].

Выбор Северной Осетии в качестве полигона для разработки модели археологической культуры был обусловлен небольшими размерами региона, единством территории, изоляцией от степей Предкавказья, надежными данными стратиграфии, объемом керамики в погребениях [1, с. 82–164]. Только в регионе Северная Осетия были найдены древнейшие памятники КТК, по которым была восстановлена сложная картина взаимодействия пришельцев на Кавказ, носителей КТК, с автохтонным населением Северного Кавказа, носителями картвельских и северокавказских языков [1].

Курганный могильник Дзуарикау с 12 курганами, разбросанными на поле длиной 1 км у входа в Куртатинское ущелье стал базовым не только для выделения почти всех этапов кубано-терской культуры, но и для классификации керамики КТК. Большие керамические комплексы погребений Дзуарикау, содержащие до 10 сосудов, позволили посредством корреляции [1, с. 494, рис. 24] отделить майкопскую и куро-аракскую культурные традиции от кубано-терской [1, с. 54, 55], а также разделить этапы кубано-терской традиции [1, с. 57–63]. Классификация 144 сосудов керамической коллекции Дзуарикау [1, с. 46–54] включает 32 типа [1, с. 494, рис. 25 и 26], образующие группы более тесно связанных между собой типов керамики, которые не только соответствуют реальным комплексам кубано-терской куль-

турной традиции Дзуарикау, но и характеризуют все четыре этапа кубано-терской культуры. В керамике КТК Северной Осетии были выделены единичные [1, с. 52] и массовые типы [1, с. 48; с. 494, рис. 26], которые позволили воссоединить КТК по всему Кубано-Терскому междуречью [1, с. 108–148].

Периодизация и характеристика этапов КТК Северной Осетии соотносится с данными стратиграфии следующим образом.

**I этап КТК** [1, с. 57] соответствует стратиграфическому горизонту РБ Пб, следующему за горизонтом дольменов Новосвободной РБ Па: датирован по проушному бронзовому топору типа Банья Бюкк, в Дзуарикау 1/19 [1, с. 193]. Этот тип топора представляется более развитым, чем новосвободненские. К данному этапу относятся и погребения Дзуарикау 6/1, 7/4, связанные с 1/19 по керамике. Общими керамическими типами для этого периода являются тип «кратеры или двуручные сосуды» (XI), тип «сосуды на ножках» (XII) и тип «куявская амфора» (XXXII). Ведущими орнаментами являются линии отгисков «тесьмы», «спираль», «ямки» [1, с. 501].

На основании сходства амфоровидных сосудов с двумя ручками от венчика (тип IX) инвентарь этого горизонта дополняется Т-образными булавками типа Сачхере (Садки 2/1, 4/1; Чегем 1 9/2) [1; 9], двуволотными булавками типа Сачхере [10, с. 71, рис. LIX, LX, LXV, LVIII], гранеными и гладкими топорами кабардино-пятигорского типа 1–2-й стадий [1; 9].

Указанные общие типы артефактов в погребениях Северного Кавказа и Закавказья свидетельствуют о том, что культура дольменов Новосвободной (РБ Пб), кубано-терская культура I этапа и позднекуро-аракская культура типа Сачхере (РБ III), занимая разные территории, могут быть синхронными и датироваться XXII–XXI вв. до н.э. [1, с. 193–194; 10].

**II этап КТК** [1, с. 57–59] соответствует следующему стратиграфическому горизонту РБ III. В кургане 1 в Дзуарикау погребение 1/15 (РБ III) перекрывает погребение 1/19 (РБ Пб); в кургане 7 в Дзуарикау основное погребение 7/4 (РБ Пб) перекрывается двумя могилами с куро-аракскими (КАРК) сосудами, встреченными в погребениях курганов в Сачхере–Дзуарикау 7/1 и 7/2. Два стратиграфических горизонта РБ Пб и РБ III охватывают небольшой отрезок времени: в них бытуют одни и те же формы керамики (типы XI, XII, XVII). Они отражают начальный период контактов носителей двух соседних культур – КТК и КАРК, с образованием смешанных комплексов. II этап КТК датируется XXI в. до н.э. по топору типа Сачхере, которые в Закавказье встречены со штыковыми копьями с надписями имени правителя Элама, Пузур-Иншушиннака [10].

**III этап КТК** [1, с. 60] соответствует стратиграфическому горизонту СБ Ia, который выделяется на

основании стратиграфии в кургане № 1 и 5 могильника Дзуарикау. Это реальный хронологический период, которому соответствует новое содержание – изменившийся состав и структура керамического комплекса, а также появление металлокомплекса КТК. Характеризуется преобладанием пережиточной куро-араксской технологии («подкладка» и полушарные ручки), исчезновением орнамента, столь характерного как для I, так и последующих IV, V этапов КТК, что можно определить как ослабление позиции КТК и усиление влияния КАРК. Металлокомплекс-1 характеризует III/IV этап КТК и определяется опорным типом – рожковидной булавкой – формирующимся комплексом украшений и браслетами.

*По данным археологии, наблюдается глубокое взаимопроникновение элементов материальной культуры Северного Кавказа (КТК) и Закавказья (КАРК) в последний период существования КАРК.*

**IV этап КТК** [1, с. 62] соответствует стратиграфическим горизонтам СБ Ib–Ic; выделяется на основании стратиграфии кургана №1 у с. Дзуарикау, а затем расширяется с включением курганов у с. Хазнидон и с. Ногир, занимающих предгорную равнину в непосредственной близости к передовым хребтам Большого Кавказа. Сводный комплекс этапа включает все керамические типы ядра культуры. *Характерная черта некерамического комплекса памятников этапа IV КТК – появление инноваций (металлокомплекс-2), получивших популярность и распространение в памятниках степного варианта КТК (двумолоточковидные и посоховидные бронзовые булавки, полусферические кованые бляхи).*

Семантика металлокомплекса КТК, включающего молоточковидную булавку и набор так называемых украшений как атрибута культа Великой богини может быть разъяснена положением костяной молоточковидной булавки в раннекатакомбном погребении Калмыкии Чограй 1985 6/1 [11]. Орнаментированная булавка больших размеров, сделанная из рога была закопана до линии орнамента в землю около головы погребенного. С двух сторон к ней примыкали две прямоугольные пластины с пуансонным орнаментом и у каждого из них стояли по две перекрещенные между собой молоточковидные булавки *из кости*. Типология таких булавок позволяет сравнивать их с трипольской пластикой, а более поздняя иконография Великой богини позволяет видеть в маленьких булавках с пластинами – свиту Великой богини, корибантов со щитами [11].

**V этап КТК** [1, с. 64–65] соответствует стратиграфическому горизонту СБ IIa; выделяется в Северной Осетии в двух курганах – кургане 1 у с. Ногир и кургане 2 у с. Хазнидон. Сводным керамическим комплексом V этапа является группа всех типов амфор, кратеров и одноручных сосудов: X, XI, XIII, XIV, XVII, XXXII, в которой продолжает существовать и

XXI тип («саксо-тюрингская амфора»). Металлокомплекс-3 характеризует V этап КТК и определяется тремя опорными типами: многолопастковидной булавкой, дисковидным зеркалом-подвеской и литыми выпуклыми бляхами.

*Данный этап характеризуется сосуществованием катакомбной и кубано-терской культур на предгорных равнинах Северной Осетии и Кубано-Терского междуречья.*

**VI этап КТК** [1, с. 64] относится к стратиграфическому горизонту СБ IIb, составленному катакомбами из курганов у с. Ногир, Чикола и погребениями кубано-терской культуры VI этапа в Дзуарикау, Хазнидоне. Сводный комплекс VI этапа по керамике состоит из типов: XI, XIII, XX, XXIV, XXXII, XXXIV (или XIXa) и содержит ядро культуры, т.е. амфору, кратер и одноручный сосуд. Находка булавы с четырьмя шишечками в Хазнидоне 1/1, аналогичной булаве Бородинского клада, датирует VI этап КТК второй половиной XIII в. до н.э. [12]. Указанный этап характеризуется расселением древнейших киммерийцев, носителей культуры многоваликовой керамики, которые начинают в это же время распространение в западном направлении и оказывают давление на племена катакомбной культуры, отступавшие дальше в горы, тесня племена кубано-терской культуры [8].

В Северной Осетии стратиграфические горизонты в основном соответствуют реальным хронологическим этапам КТК, поскольку почти каждый из горизонтов сопровождается изменениями в содержании. Сводные керамические комплексы каждого этапа отличаются друг от друга качественно, количественно и структурой. Изменяемая часть керамического комплекса приблизительно равна 1/4 или 1/3 объема комплекса. Вместе с тем некоторые типы керамики остаются неизменными на всем протяжении от первого до последнего этапа. Таковыми можно считать типы XI (двуручный сосуд), XXXII (куявская амфора с четырьмя ручками на плечевой части), XIII, XIV – одноручный сосуд (кувшин/кружка), которые составляют *керамическое ядро культуры КТК* Северной Осетии.

Связь между этапами выражается не только в коэффициенте однокультурности (варьирует от 0,6 до 0,8), но и в сохранении структуры керамического комплекса, состоящего из трех основных функциональных групп – амфор, кратеров и одноручных сосудов. Однако для каждого этапа КТК пропорция трех функциональных групп будет разной. На I этапе КТК соотношение равно 3,3 : 2,7 : 1,0. На II этапе соотношение амфор и кратеров одинаковое и их в 2,5 раза больше, чем одноручных сосудов (2,5 : 2,5 : 1,0). На III этапе амфор и кратеров в 2 раза меньше одноручных сосудов, что свидетельствует о куро-араксской доминанте, т. е. 1,0 : 1,0 : 2,0. На IV, V этапах амфор

и кратеров меньше, чем на I, II, III и VI этапах, но их число приближается к числу одноручных сосудов.

Металлокомплекс КТК Северной Осетии [1, с. 69–75, 144] представляет собой систему типов так называемых украшений, состоящую из опорного типа и типов окружения. Предназначение этого комплекса украшений неизменно во времени, поскольку данные артефакты являются предметами культа. Меняются типологически опорные типы – булавки, которые являются основой комплекса. Выделяются три варианта металлокомплекса, в которых опорными являются булавки разных типов. Типы окружения (подвески и бусы) [1, с. 494] меняются незначительно. Можно считать доказанным, что эти булавки служили изображением Великой богини, одной из функций которой было возрождение, поэтому их помещали в могилу. Украшения – это стилизация растительного и животного мира, созданного Великой богиней [1, с. 168]. Таким образом, неизменные типы металлокомплекса, существовавшие от начала возникновения металлокомплекса КТК (III этап КТК) до его конца (VI этап), обеспечивают культурную преемственность и являются доказательством существования металлокомплекса как системы.

Металлокомплекс наряду с отсутствием керамики, типом устройства могилы и обрядом помещения человеческих останков в могиле является основой разделения степных и предгорных памятников КТК, поскольку в степных комплексах нарушается структура и состав металлокомплекса.

Таким образом, в ядро КТК Северной Осетии мы можем включить керамические типы: X, XXXII (амфоры), XI (двуручные сосуды), XIII, XIV (одноручные сосуды), т.е. только 5 из 26 типов (19 %), составляющих кубано-терскую керамическую традицию, и 5 из 11 массовых типов КТК (45 %); структуру керамического комплекса: амфоры – двуручные сосуды – одноручные сосуды; форму могилы – яму с каменными и деревянными конструкциями; обряд положения скелета – скорченное на боку и вытянутое на спине. Правомерность включения последних двух пунктов под вопросом. Ни один из двух обрядов положения скелета не представлен во всех этапах КТК. Использование дерева в конструкции могилы также не характерно для предгорного варианта КТК в Осетии.

Условия существования КТК как единой культурной традиции постмайкопского и докубанского времени заключается в наличии ядра культуры, а также существовании системных связей между всеми элементами культуры – керамики, металлокомплекса, форм могильных сооружений и обряда погребения.

Обосновано выделение степного варианта КТК Северной Осетии [1, с. 79]. Условия отделения степного варианта от предгорного определяются рядом признаков. Узкий хронологический промежуток су-

ществования степного варианта КТК (III/IV–IV этапы КТК) усиливает черты различия вариантов КТК, особенно если сравнение проводить со сводным комплексом предгорного варианта КТК.

Культурно-дифференцирующими признаками для степных памятников КТК у станицы Терской [1, с. 292, 300–304] является малое число керамики или практически полное ее отсутствие; доминирующий процент металлоносных комплексов; монолитность обряда погребения (абсолютное преобладание обряда положения скелета «скорченного на боку» в Терской); использование в могильной конструкции дерева (деревянные ящики).

Культурно-интегрирующими признаками степных и предгорных памятников являются сохранение отдельных керамических типов ядра КТК (кружки, двуручные сосуды) и структуры металлокомплекса, как и основных типов; общие формы обряда и могил (ямы с перекрытием). Это позволило относить к степному варианту КТК памятники у станицы Терской, как мы считали ранее. Однако новая информация о памятниках указывает на отражение в степном варианте КТК характеристик новотитаровского варианта кубано-днепровской культуры. Происхождение этих двух культур из Европы и их общие корни в праиндоевропейской культуре Центральной Европы дает основание считать объединение степных и предгорных памятников Северной Осетии культурно-исторической общностью (КТК КИО) [1, с. 164–167].

Происхождение доминирующей составляющей в КТК из Центральной Европы объясняется индоевропейскими миграциями племен КША, КШК на восток в III тыс. до н.э., что не исключает большого вклада на первых этапах формирования КТК племен куро-араксской культуры, локальные варианты которой относятся как к картвельскому, так и к северокавказскому этносам.

Индоевропейская атрибуция КТК следует из индоевропейской атрибуции культур Центральной и Восточной Европы, от которых КТК ведет свое происхождение [3]. Однако индоевропейизмы, точнее древнеевропейизмы в картвельских языках, которые датируются XIX–XIII вв. до н.э. [13], являются доказательством присутствия на Северном Кавказе диверсифицированного, но еще не окончательно дезинтегрированного массива племен древнеевропейцев, из которых в Европе вышли такие исторические народы, как кельты, германцы, италики, балты, славяне [3]. Эти племена обозначаются единым термином «древнеевропейцы». Таким образом, древнеевропейская атрибуция КТК может быть дополнительно обоснована и со стороны языков племен Кавказа. Данный вывод подтверждается скифо-европейскими изоглоссами в языке осетин, который, по мнению В. И. Абаева, занимает особое место среди иранских языков [14].

Древнеевропейские языки в осетинском языке согласуются с существованием уже отмеченных древнеевропейских изомифологем в Нартском эпосе [1, с. 208–211; 15; 16; 17].

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. в контексте истории Европы и Ближнего Востока / Н. А. Николаева. – М. : Изд-во МГОУ, 2011. – 536 с.

2. Николаева Н. А. Выделение КТК ранне- и средне-бронзового века на Северном Кавказе / Н. А. Николаева // Проблемы археологии Северной Осетии. – Орджоникидзе, 1980. – С. 97–120.

3. Сафронов В. А. Индоевропейские прародины / В. А. Сафронов. – Горький : Волго-Вятское изд-во, 1989. – 402 с.

4. Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху средней бронзы / В. И. Марковин // МИА. – 1960. – № 93.

5. Марковин В. И. Северокавказская культурно-историческая общность / В. И. Марковин // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. Археология СССР. – М., 1994. – 383 с.

6. Николаева Н. А. КША на территории Северной Осетии / Н. А. Николаева // VIII Крупновские чтения : тезисы докладов. – Нальчик, 1978. – С. 74–76.

7. Сафронов В. А. Периодизация и хронология раннего и начала среднебронзового века Северной Осетии

/ В. А. Сафронов // VIII Крупновские чтения : тезисы докладов. – Нальчик, 1978. – С. 71–74.

8. Николаева Н. А. Периодизация КТК. Исторические судьбы КТК / Н. А. Николаева // Катакомбные культуры Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1981. – С. 77–100.

9. Деген Б. Е. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика / Б. Е. Деген // МИА. – 1941. – № 3.

10. Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию / Б. А. Куфтин. – Тбилиси, 1949. – 229 с.

11. Николаева Н. А. О культе Великой богини в религии индоиранцев, по данным археологии (к вопросу о семантике костяных молоточковидных булавок) / Н. А. Николаева // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – 2010. – № 1. – С. 98–107.

12. Сафронов В. А. Датировка Бородинского клада / В. А. Сафронов // Проблемы археологии. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1968. – Вып. 1. – С. 75–127.

13. Климов Г. А. Древнейшие индоевропейские картельских языков / Г. А. Климов. – М., 1994. – 249 с.

14. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы / В. И. Абаев. – М., 1965. – 166 с.

15. Абаев В. И. Нартовский эпос / В. И. Абаев // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – Дзауджикау, 1945. – 118 с.

16. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология / Ж. Дюмезиль. – М., 1976. – 275 с.

17. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты / Ж. Дюмезиль. – М., 1990. – 231 с.

*Московский государственный областной университет*

*Николаева Н. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков*

*E-mail: nikolaeva 3145@yandex.ru*

*Тел.: 8(499) 160-96-82; 8(916) 471-5-150*

*Moscow State Regional University*

*Nikolaeva N. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Archaeology, Ancient History, Medieval History Department*

*E-mail: nikolaeva 3145@yandex.ru*

*Tel.: 8(499) 160-96-82; 8(916) 471-5-150*